

Сергей Пахомов

Сергей Станиславович Пахомов – поэт. Родился в 1964 году в Ленинграде. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Автор четырёх книг. Стихотворения публиковались в журналах: «Арион», «Новый мир», «Нева», «День и ночь», «Сибирские огни», «Север», «Лад вологодский», «Волга», «Плавучий мост», «Литературный Иерусалим» и др. Живёт в деревне Мерёжа Вологодской области.

КРИСТАЛЛ

Я – мыслящий кристалл за пазухой у Бога,
Поэтому хочу покинуть здешний мир,
Где были до меня два-три ударных слога
В абзаце книги книг, зачитанной до дыр.
Её листал Христос, над ней корпел Иуда,
Скажу, не дочитав страницу до конца,
Что все зовут туда, лишь я зову оттуда,
И голос мой похож на голос мертвеца.
Мной обозначен день: я словно тень за кадром,
А в кадре кинозал и шелестит попкорн.
Не получив конверт, я угадаю адрес
И место на земле, где перевёрнут дёрн.
Так лучше я уйду, захлопнувшись кувшинкой,
В глухую темноту глубокого пруда,
И не найдут меня ни слёзы, ни дождинки,
Лишь добрая душа, лишь яркая звезда!

ВАЛЬГАЛЛА

Каждый праздник церковный во здравие –
Там, где спит заонежский погост,
Поминает меня православие,
Покупая молитвенный воск.

Ускользает водицею вешнею
Жизнь моя по уклону межи...
Я отстроил часовню сгоревшую
За свои трудовые гроши.

Усмехнулась валькирия-родина,
Занесла окровавленный меч...
С той поры на пирушке у Одина
Я чежу мухоморную речь.

Всё пестрее она, всё лукавее.
Над Вальгаллою сумрак развёрст.
А часовню мою православие
Огибает за тысячу вёрст.

ГИЛЬДЕНСТЕРН И РОЗЕНКРАНЦ

Август умер (Гильденстерн), мёртв сентябрь
(Розенкранц)...

Облетает поле стерх, где докашивают рапс.
Молибденов цвет воды, долог тихий листопад,
Пар, идущий от скирды, словно едкий самосад.
Сток рапирою – Лаэрт; Гамлет – дерево в огне.
Спит искусственная смерть милой ящеркой на пне.
Где докашивают рапс, лес, как замок Эльсинор,
За который Фортинбрас – ветер затевает спор.
Вот и весь тебе Шекспир. Череп Йорика – валун.
Я, закрыв ладонью спирт в стопке времени, вздохнул,
Выпил, сплюнул, закурил «Аполлон» – полоний! Сад.
Ливень (Клавдий) лил и лил быстродействующий яд
в ухо озера (отец принца датского – король)...
Замигал на кухне свет, как порхающая моль.

КОНФУЦИЙ

Рука – не река с рукавами.
Сожму междуречье в кулак.
Закат неподвижный над нами и красный,
как сваренный рак.
Прибрежные заводи куцы. Резвится сомовья семья.
– В чём правда плесканий, Конфуций?
– Не знаю, ведь рыба не я...
Нельзя передать ощущение того, что на ощупь и цвет
Похоже на предназначенье, но в чём философии нет.
Поэтому непредсказуем ход жизни,
где каждый предмет
Устроен природой, как зуммер...
«Как сердце», – подумал поэт.

По номеркам расселась «саранча» –
 Гостей с три короба. Калигула – в горелке
 (Спецблок в аду помянут невзначай).
 Под сырным соусом спагетти – горячась,
 Сползают по фарфоровой тарелке.
 Пирожные «Калигула» (теперь
 Уместно замечанье о тиране),
 Пришельцы в чёрно-белом на экране –
 С букетами. Сконфуженная дверь
 Прокашлялась. На буйный цвет герани
 Присели пчёлы – сонно вяжут мёд,
 Как свитера старухи у подъезда...
 Невнятная возня у переезда
 Железно... рожного (?) покоя не даёт
 Глазам. Но продолжается фиеста.
 Я смачно истребляю козинак.
 Нервозен Наг, пока Нагайна в белом
 Сверлит глазами, словно чертит мелом...
 Я в неуютный въёжился пиджак
 И сделал вид, что занимаюсь делом:
 Жую. Развеселившийся сосед
 Рукам дал волю – пенное в бокале...
 «Протуберанцы» с места повскакали:
 Колье, подвески, запонки, браслет...
 И грянул тост, как выстрел из пищали.
 Луна горела свечкою вдали,
 Гроза наметилась за облачностью где-то...
 Я вышел, как писатель из сюжета,
 Я вышел, как из Рубенса Дали,
 На край обворожительного лета,
 В обитель окаянную земли...

В ПОХОДЕ

Хрустели сумраком предгорья
 Оголодавшие ветра,
 Першило в сердце (или в горле?),
 Когда я грелся у костра...
 Лоснилось кожей лягушачьей
 Глухое озеро, и лес
 Был одинок, и месяц мрачный
 Хромал окраиной небес.

Я за водой сошёл на берег.
 В прицеле лунного луча
 Сургучный сом, снимаясь с мели,
 Ночные лилии качал.
 Утёс надгробным обелиском,
 Звезда, как выстрел в молоко...
 Лишь неотъемлемое близко,
 Всё остальное – высоко.

Ал-лах. Как звучно! Будто горы, холодный ветер распахнул
 Ночное эхо, за которым лавины падающей гул.
 Ии-сус... Тихонько проскользнула листва в калитку,
 серебрясь.
 Ал-лах. Дорога из аула превращена отарой в грязь.
 Но вот во тьме столкнулись звуки,
 гроза набухла над страной!..
 И, не пожав друг другу руки, дожди пролились стороной.
 Ал-лах, Ии-сус... В собачьей будке зовёт к побудке
 лязг цепи.
 Жук распоясался занудный в трубе прокуренной избы.
 Цепляя цвет чертополоха, навзрыд чихая от пыльцы,
 Луга от выдоха до вдоха утешают бодрые косцы...
 Ал-лах... Поникла незабудка. Ии-сус... Повецвела трава.
 Шмели, ошпарившись как будто, летят кто в лес,
 кто по дрова.

ЗАКУЛИСЬЕ

Как ведро на коромысле, скрипнет ясень у ворот,
 Промелькнёт мордашка лисья, словно лучик, ускользнёт.
 Закулисье, заалисье... Луж кривые зеркала.
 Чем загадочнее мысли, тем напористее мгла.
 Трудно выжить в закулисье: рано сеять, поздно жать.
 Браконьерский слыша выстрел, я цежу сквозь зубы: «Тать,
 Твою мать!» Встаю с кровати, начинаю подметать:
 Здесь вчера сходились рати – после рати пировать.
 Запрягу тоске в угоду двести сорок лошадей
 И нырну во тьму, как в воду Иордана иудей.
 Фары выхватят из мрака то ли чёрта, то ли куст,
 В ноги кинется собака, лишь в окошко постучусь
 К самогонщице. Поганый гонит старая первач –
 В закулисье и в карманах вечно сумерки, хоть плачь.
 Выпал зуб у гармониста, а под утро выпал снег...
 Небо ясно, поле чисто. С воскрешеньем, человек!

ВСТРЕЧА

Закат был необычно жёлтым, свистели птички: «ай лав ю...»
 Я вспомнил шип за ухом Шолто Бартоломью,
 Когда заметил в тучах месяц. Корчма дымилась за углом –
 Там обещали мне, что в десять я буду больше чем знаком
 С одной приятною особой. Предвосхищая этот миг,
 Я заказал коньяк «Особый» и первой свежести балык.
 Сверкал сокровищами Агры за окнами кленовый парк...
 Господь пошлёт мне Иру Адлер? Медею?
 Жанночку де Арк?
 Забыв, что метод дедуктивный к всевышнему
 не применим,
 Я горького аперитива пригубил, тайною томим.
 Дохнуло вдруг нездешним хладом
 от раскрывающихся врат,
 И полыхнула листопадом душа, не видя листопад.

ПАН

Гогочущих гусей вразвалочку бега,
И с яблонь конфетти от дуновенья ветра...
Командует весна, и сброшены в лугах
Свялявшихся снопов застиранные гетры.
И стрелы мечет лук, как половцев орда
(Картофель без конца росы глотает капли),
Петрушки, чеснока с морковью чехарда
Вблизи от кабачков – пузатых дирижаблей.
Постылый огород. Я вижу, как чуть свет
На грядках сорнякам соседка бьёт поклоны.
А я баклуши бью... Ответ на мой привет:
«Не пей воды с лица, как белый свет с иконы,
Из лужицы не пей на росстани дорог –
Не стань, кем подопрут тесовые ворота».
Но я ведь пить хочу! Я – козлоногий бог!
И мучают меня то жажда, то икота.
Без продыху пахать, окучивать, сажать,
Пропалывать, растить до снега ежедневно –
Всё это не по мне. Козлиная печать
Дана, чтоб от тоски не вымерла деревня.

СЛОВА

Геральдика герани, архаика ольхи...
И на оконной раме – неясные штрихи
Дождя. Проходит лето... Темнеет белый свет.
Печенье есть, конфеты... Но настроенья нет.
Одудловатый чайник кряхтит – борец сумо,
Душой бы не зачахнуть, не тронуться б умом.
Мой взгляд давно скучающ, и равнодушен

взгляд,

Есть город Карачаевск (черкесский, говорят) –
Туда ли мне поехать, ещё куда-нибудь?
Расколотым орехом в дверном проёме – суть
Вопроса без ответа... Я выглянул в окно:
Оранжевого цвета, как у тарелки дно,
Под облаками – небо, и палисад резной,
И не разгадан ребус в газете с желтизной.
Идёт просёлком с вестью дурною почтальон,
Пожалуй, выпью «двести», пока не обозлён.
Паслёновые сплетни он разведёт со мной:
Об активистке Грете с фамилией пивной,
О предпосылках снега на праздник Покрова...
Несмазанной телегой вдоль улицы – слова.

ДАРТ ВЕЙДЕР

Я очень обеспокоен состоянием дел моих:
В поле один – не воин, если один – не псих.
В поле один – не воин, если один – не Бог.
Я очень обеспокоен отсутствием рук и ног
У паренька в «коляске» – он ветеран войны,
Той, о которой лясы точат со стороны.
Так сгорают деревья или крамольный стих,

Каждому Дарту Вейдеру – ситх!
Едет за хлебом (с мамочкой) яростный инвалид –
Много кому до лампочки, что у него болит.
Так ли тебе, Россия, видится твой сержант:
Боль без анестезии света – его душа?
Совесьть – вещичка круглая, если не напоказ,
Люди проходят с гуглами, не поднимая глаз.

ДОНОС

Засунут в сугробы суровой зимы,
Как будто носки шерстяные в пимы,
Из дома на улицу высунув нос,
Пишу на снегу необычный донос.
Его содержание обидно и зло,
Поскольку обида мне хмурит чело,
Как шапка на воре горит, а воров –
Не хватает в округе ни шапок, ни дров –
Чтоб греть для доносчика воду в аду,
Но я в эту воду перловку кладу,
Лист лавра, грибы – получается суп,
Как дед говорил, из семнадцати круп.
Понятно и дятлу, что будет в конце:
Ни лавров в подаренном музой венце,
Ни славы, обещанной Богом взамен
Подвешенной рыбе на ржавый безмен.
Быть может, сосед, как привычный мне гость,
Повесит портрет мой из книжки – на гвоздь.
Обычная участь поэта... Едва ль
Изменится что-то с утра по февраль.

НЕПРОГЛЯДНОЕ

Запотела от зноя
И пропала звезда,
И возник под горою
Образ неба-пруда,
Где на глади пустынной
(Бог меня приголубь)
Опускалась кувшинка
В непроглядную глубь.

МАТЬ

В моей сейсмически опасной
Космогонической душе
Яйцом, раскрашенным на Пасху,
Весёлой пьесой Бомарше
День угнездился своевольно,
И, дню весеннему под стать,
Преобразилась колокольня,
И сына встретившая мать
Преобразилась: затаённо
Вздыхает, выйдя на крыльцо,
Сгорает веточкою клёна
И в слёзы кутает лицо.

ПРОРОК

Мне снилось, что сердце отстало от суетной жизни на миг.
Когда хоронили, казалось, бренчал бесполезный язык
Серебряной ложкой в стакане. Ночной транссибирский экспресс
Вихлялся лещом на кукане, сверкал, как холодный обреза
Убийцы... Рассеялась память, монета зажалась в горсти,
А тени, как шпалы на БАМе, ложились на вечном пути.
«Что, новопреставленный, скажешь?» – спросила голодная тьма,
И взгляд её волчий был даже страшней, чем без стёкол дома.
Я загодя речь приготовил, я долго оттачивал слог,
Язык, поперхнувшись на слове, вдруг к небу иль к нёбу присох.
Так в детстве, не зная урока, краснел я, подвергнут хуле...
С тех пор молчаливей пророка не сыщешь на этой земле.

ДОМ

Карликоват (Лотрек Тулуз?) дом возле озера. Настырно
Он смотрит окнами на шлюз, головкой дырчатого сыра.
Холм. Дуновение зимы. Вдоль поля заячье сафари,
Ручей с оттенками сурьмы, клён – лунной пылью офонарен...
Темна, как ягода ирги, морозом скованная лужа,
Опрятен шорох кочерги в печи, где дозревает ужин.
Ночь прозорлива (Мессинг Вольф!), гадают звёзды над утёсом,
Странноприимная юдоль повита сумраком белёсым...
На раскладушке дремлет кот, свернувшись под ворсистым пледом,
И чайник задом наперёд кипит, как площади в Толедо.
Встаю. Кастилия скрипит в коленных и других суставах.
Увы, состарился пиит – разбит, как шведы под Полтавой.
Но душу выдадут глаза, в которых, полночью хранима,
Застынет чёрствая слеза от неотеческого дыма!

КРОШКИ

Мой одуванчиковый луг, как будто пепел папиросы,
Осыпался, едва подул вечерний ветер. Слезы, росы,
Сирени призрачной абсент пролились на руки просёлка
И запах плотный, как брезент, от наливающейся ёлки.
Я шёл из лавки. Для толпы моих обжорливых домашних
Хлеб свежий к ужину купил. И что с того, что он вчерашний?
Консервной банкою луна сверкала тускло в грязной луже,
Я наступил, и – вот те на! – луна исчезла. Втык заслужен!
Зевающий от скуки вяз меня хотел взять на поруки,
Но, как и я, ударил в грязь лицом – сломался от натуги.
Чтоб не считать нам впредь ворон, я воробьям насыпал крошек,
И брызнул мир из всех окón – в полоску, в клеточку, в горошек.

ЭВТЕРПА

Печально дивная Эвтерпа глядела в русские поля –
Там колосилась в листьях вербы неэстетическая тля,
Я ночь гулял, я был не в духе, зевал нахально и уснул.
«Чёрт побери!» – звенели мухи, садясь на выбоины скул.
Лежал на противне залива карась, как будто запечён,

И чёлн рыбацкий лейтмотивом качался, вышерблен и чёрн.
Чем дальше в лес – тем краше ведьмы, кобыла с возу – бес в ребро,
И чей смотря не слаще редьки хрен в свете плана ГОЭЛРО.
Вращаясь, купол церковушки напоминал эолипил
И восходил, как пар из кружки, когда б я чай туда налил.
Присела нежная Эвтерпа на прерывающийся луч.
Жара томила, словно термы, – ни облаков тебе, ни туч...
Я всё с себя содрал, что было, и прыгнул в озеро плашмя,
Крича: «Горация на мыло! Евтерпа, выбери меня!»
Проснулся. Шумный муравейник опарой раздавался вширь,
Листал рогатый жук (бездельник) из листьев сложенный псалтырь...
И мне прелестная Эвтерпа шепнула, сдерживая смех:
«Поэтов не бывает первых с одною музою на всех...»

ЛИСТОСБРОСЕНЬ

Неяркая, но всё же осень, туманная, но всё же гжель.
Поэт воскликнул: «Листосбросень! Листоотбросень!..» – «Неужель?» –
Другой поэт шепнул другому и грянул рифмой о другом:
Мол, не пройтись тропинкой к дому промозглым утром босиком
И, мол, уныло на киоске висит предвыборный плакат...
От скуки бомж, осенний в доску, скатился в лужу – самокат.
Курил, похрустывал газетой Иван Петрович у крыльца,
Луна зазубренной монетой упала в омут озера,
Мурлыкал катер рыболовный, скулою тёрся о причал,
Над ними, словно дождь по кровле, натренированно стучал
Дуб желудями. Ощетинясь, тащили жёлуди ежи...
Иван Петрович тоже вынес с пришвартованной баржи
Запчасть (по виду – генератор). Иван Петрович – генерал
Среди воров: однажды трактор за час до гайки разобрал.
Дорог разъезженных ухабы ночной выравнивает снег –
Могу в кино, могу в прорабы, могу и осени на смех.

ОТЧИЗНА

С налётом болотного ила во мне обитала душа:
Любить не умела, чадила, как в засуху цвет камыша.
Но ладил я с нею неплохо – пороки в чаду не видны –
Сердца разбивая дурёхам, не чуял за это вины.
Одной из ненужных любовей немая Отчизна была,
Всё льнула ко мне, по-воловы глядела и слёзы лила.
Я взял её в дом – пусть, мелькая, отвадит охотниц других,
К тому же сгодится такая надраивать мне сапоги,
Труху выметать из амбара, по грязным сусекам скрести...
Скребла. И меня – деловара – в дверях попевала крестить.
Забот безобразною свалкой её удостоила жизнь.
Отчизны мне было не жалко – да мало ли в мире Отчизн?
Но как-то неистовым летом душе окаянной назло
Я выпросил сердце поэта... Багряной улиткой ползло
С небес одинокое солнце, я ждал, чтоб уйти навсегда,
Последнего блика в оконце. Но, словно живая вода,
Отчизны чарующий голос – любовью и кротостью свят –
Я слышал, как во поле колос и звёзды над кровлей звенят...